

После того, как Е Чжэнь медленно вошла во дворец, император Шэн Юань помог ей, прежде чем она успела отдать честь, и тепло сказал: "Сегодня холодный день, почему ты не остаешься во дворце Ганьцюань, а выходишь вместо этого? Будьте осторожны, чтобы не простудиться."

Е Чжэнь махнула рукой и собиралась сказать несколько слов, но внезапно закашлялась, и ее бледные щеки покрылись слоем пунцового цвета, что выглядело действительно жалко. Император Шэн Юань поспешно усадил ее на диван и приказал Байфу добавить еще одну жаровню. После долгого кашля Е Чжэнь, наконец, восстановила дыхание, увидела коробку, поставленную у его ног, и улыбнулась: "Ваше величество, вы читаете книгу? Ночью свет свечей тусклый, что вредно для ваших глаз. Почему бы этой наложнице не помочь вам прочитать несколько абзацев?"

"А вы не боитесь, что свет свечи повредит глазам Чжэня, так что вы не боитесь повредить свои глаза? Кроме того, вы уже давно кашляете, вам следует беречь свое горло." Император Шэн Юань взял плащ из рук Байфу, накинул его на плечи Е Чжэнь и вложил ей в руки обогреватель.

Под тщательной заботой этого человека сердце Е Чжэнь стало сладким, как мед, и ее голос стал мягче: "Ваше Величество весь день просматривали мемориалы, и его глаза очень устали. Эта наложница каждый день лежит и выглядит как калека, поэтому она должна учиться и поддерживать свой ум активным. Ваше величество, не волнуйтесь, если горлу этой наложницы будет неудобно, она остановится."

Император Шэн Юань жалел ее хрупкое тело и беспокоился о ней, считая, что было бы полезно найти для нее какое-нибудь занятие. Поэтому он протянул ей 'Бамбуковые анналы', которые держал в руке: "Ну, просто прочтите эти две страницы. Если вы чувствуете себя подавленной и несчастной в будние дни, вы можете позвать свою мать во дворец, чтобы поговорить, а не просто лежать и ни о чем не думать".

"Благодарю вас, ваше величество, за ваше сострадание". Е Чжэнь очень мило улыбнулась. Получив книгу, она посмотрела на нее и удивленно спросила: "Что это за книга? Я никогда не слышала о ней раньше".

"Учебник истории, кажется относительно неясным". Если Гуань Суй не упоминала бы об этом, то император Шэн Юань не знал бы, что существует такая книга по истории. Если бы он хотел изучать историю, ученые Центральных равнин вокруг него рекомендовали бы только "Классику истории" или "Записи великого историка", как будто эти две книги были ортодоксальными книгами.

"Почему ваше величество не читает 'Классику истории'?" Е Чжэнь упомянула об этом лишь вскользь и вскоре открыла страницы книги, чтобы прочитать: "Последний год жизни Яо, его добродетель упала, и он был заключен в тюрьму Шунем..." Прочитав всего лишь короткий абзац, она покачала головой и рассмеялась: "Ваше величество, неудивительно, что эта книга по истории такая непонятная, действительно искажает историю".

"Откуда вы знаете, что это исказило историю? Кто может сказать, какова была настоящая история?" Спросил император Шэн Юань глубоким голосом.

"Это первый раз, когда наложница увидела такой комментарий в учебнике истории. В древние времена ресурсов было мало, а жизнь была трудной. От простых людей до вождя, все они должны были резать, жечь и пить кровь, чтобы выжить. Более того, вождь тоже должен

подавать пример и брать инициативу в свои руки, жизнь была еще более трудной. Собранная пища и добыча были равномерно распределены в соответствии с населением, и ни у кого не было бы больше или меньше. Поэтому мир знает только то, что находится в коллективной собственности, а не в частной, и так возникла система отречения. В "Записях Великого историка: Хроника пяти императоров" говорится: "Добродетельная добродетель всего мира началась с императора Юя". Это показывает, что в древние времена было меньше споров и практиковалось добродетельное управление, и такая хорошо известная вещь на протяжении веков была оклеветана в такой невыносимый вид, это действительно раздражает и вызывает ненависть". Е Чжэнь отложила книгу и вздохнула: "Ваше величество, писания историков отличаются от обычных ученых. Если есть небольшая ошибка или упущение, они убьют славные годы и познания наших предков для будущих поколений".

Император Шэн Юань пристально смотрел на нее некоторое время, затем улыбнулся: "Неудивительно, что, когда вы были в Ляодуне, все генералы армии хвалили вас как талантливую женщину номер один на Центральных равнинах. Как и ожидалось, вы очень хорошо осведомлены."

Е Чжэнь взмахнула руками, чтобы смириться, положила "Бамбуковые анналы" в коробку, а затем достала экземпляр "Классика истории", чтобы почитать. Когда она подумала об этом, Его Величество, который выступает за конфуцианство, определенно больше благоволил бы к трудам Конфуция, и она также могла бы комментировать и демонстрировать свои таланты во время чтения. Разве это не убило бы двух зайцев одним выстрелом? В эти дни она совсем не бездельничала. Все книги, связанные с конфуцианством, были тщательно изучены снова и снова, она не боялась, что ей не о чем будет говорить с Его Величеством. Разговоры и разговоры, может быть, она могла бы остаться во дворце Вэйян и действительно стать женщиной Его Величества.

Тем не менее, она представляла себе это очень красиво, но реальность была прямо противоположной. Всего через четверть часа император Шэн Юань махнул рукой и сказал: "Чжэнь устал, вы ложитесь". После этих слов он положил руку на лоб, выглядя очень усталым.

Дыхание Е Чжэнь было прерывистым, выражение ее лица сменилось шоком, но через мгновение оно пришло в норму, она встала и любезно попрощалась. Пока она шла долгим путем, ее разум все еще восстанавливал встречу во дворце Вэйян, разбирал каждое сказанное ею слово и разбивал его на кусочки. После тщательного рассмотрения она не обнаружила никаких ошибок, поэтому почувствовала облегчение.

В то же время император Шэн Юань поднял 'Бамбуковые анналы', которые она уронила, перевернул предыдущую страницу и необъяснимо улыбнулся.

Байфу видел, что Его Величество никогда не звал ложиться с наложницами, даже Е Цзею, самая любимая, не могла остаться на ночь. Видя, что ему двадцать семь или двадцать восемь, почти тридцать, но у него нет наследников, он не мог не испытывать некоторого беспокойства, но не осмеливался переубеждать его. Просто эфемистически сказал: "Е Цзею заслуживает того, чтобы быть талантливой женщиной номер один на Центральных равнинах. Этот раб просто не понял ни слова из того, что она сказала. Считая весь дворец, она единственная, кто может поговорить с Его величеством, снять усталость и спасти вас от переутомления и причинения вреда вашему телу".

Император Шэн Юань перевернул страницу и задумался: "Культура Центральных равнин обширна и глубока, даже рыночный сленг раскрывает тайну внутри тайны жизненной мудрости. Что это значит? Ведро воды, полведра воды..."

Байфу сказал с улыбкой: "Просветите ваше величество: "Ведро воды не издает ни звука, половина ведра воды звенит". "

Император Шэн Юань кивнул: "Это именно то предложение". В конце концов, других слов не было.

Байфу долго ждал, но продолжения не последовало. Он не мог не поднять глаза и увидел, что Его Величество сосредоточен, его лицо было холодным, и не было никаких признаков удовлетворения. Только потом он понял, что только что сказанная фраза была тонкой насмешкой над Е Цзею за то, что она была наполовину талантливой женщиной.

Байфу тихонько вытер холодный пот со лба, удивляясь про себя, неужели он подумал неправильно? Как мог император смотреть свысока на Е Цзею? Во всем дворце только Е Цзею обладает самой красивой внешностью, самым талантливым, нежным и податливым темпераментом, а сердце чистое, как орхидея. Если император даже смотрит на нее свысока, на кого еще он будет равняться?

Размышляя вслух, он услышал ленивый голос сверху: "В те времена мое племя Цзюли потерпело поражение от племени Хуася. Все соплеменники были заключены в тюрьму в качестве рабов. Они проливают кровь и пот только для того, чтобы выжить. Пища, которую они сажали, и добыча, которую они приносили, использовались для поклонения вождям племени Хуася. Я не знаю истории вашего народа хань, но я знаю историю цзюли. Рабы появились с древних времен. У вождей племен больше всего рабов, так как же они могут работать сами по себе? Когда простые люди откладывают немного денег, первое, что приходит на ум, - это купить раба в качестве домашнего скота. Так называемое "знать только коллективное, а не частное" было шуткой с древних времен, но некоторые историки используют свои собственные идеи, чтобы насильственно исказить историю и скрыть уродливое, избавиться от гнилого и оставить только то, что они считают красивым. Так называемое "победитель становится королем, проигравший становится бандитом" сделано удачно. История часто составляется победителями, а проигравшие становятся ворами и бандитами, даже смерть не может стереть их преступления".

Байфу не осмеливался заговорить, и холодный пот, который только что был вытерт, снова выступил на его лице. Неудивительно, что Его Величество высмеивал Е Цзею, именно ее слова задело больное место Его Величества. Как только в зале воцарилась гробовая тишина, сверху раздался взрыв легкого смеха: "То, что тебе сказал Чжэнь, ты не поймешь. Поищите работы семьи Цзо, я хочу посмотреть."

"Семья Цзо?" Байфу только что был напуган, его разум некоторое время не мог повернуться.

"Цзо Боксион - это семья Цзо". Тон императора Шэн Юаня был слегка нетерпеливым.

"Ах, Цзо! Цзо из семьи историков!" Байфу вдруг сообразил и поспешно высунул свой зад, чтобы порыться в коробке.

—

Гуань Суй вернулась в особняк маркиза, чтобы успеть к ужину. После того, как Минфан убрала посуду, она таинственно сказала: "Мисс, сразу после того, как вы покинули особняк, в следующий момент сюда пришла Лю Ши. Сначала она пошла навестить раненого молодого господина, она много плакала, а затем отвела господина маркиза в сторону, чтобы поговорить. Эта слуга не осмелилась подойти, просто смутно расслышала несколько слов, сказав что-то вроде "невестка", "взять наложницу", "приданое", 'не волнуйся' и так далее. Мисс, семья Е

хочет отправить сюда дочь, чтобы она стала наложницей господина маркиза?"

Минфан не была глупой, напротив, она была слишком умной, поэтому ее сердце становилось все больше и больше. Гуань Суй оценивающе взглянула на нее и улыбнулась: "Возьми наложницу, тогда просто возьми наложницу, я приму их всех".

Минфан выглядела шокированной, однако как раз в тот момент, когда она собиралась дать решительный совет, она услышала голос маленькой служанки снаружи, говорящий, что господин маркиз и старшая мисс были здесь, и они хотели поужинать с мадам. Гуань Суй поспешно попросила Минфан сходить на кухню, чтобы передать еще несколько блюд, и повторила, чтобы ей приготовили горшочек черепахового супа.

Минфан не умела считать, поэтому ей пришлось идти с головой, полной мыслей.

Блюда были быстро приготовлены, и они втроем с довольным видом уговаривали друг друга поесть. После долгого разговора Чжао Лули перешел к делу: "Я слышал от своей матери, что она отдала тебе приданое, оставленное Чжэнь... моей покойной женой? Сизэр скоро начнет обсуждать вопрос о замужестве, почему бы тебе не отдать ей приданое? Чтобы она могла пораньше потренировать свои руки."

Конечно, это можно было бы передать Чжао Чуньси, но это не могло быть слишком прямолинейно, чтобы Чжао Чуньси не пришла и не заплакала, чтобы попросить о помощи в будущем из-за ее плохого управления, и это не закончилось бы хорошо, но вместо этого, как и в ее предыдущей жизни, ее обвинили бы в необоснованном преступлении. Как поступить с этим приданым, Гуань Суй уже придумала, поэтому она улыбнулась: "Приданое принадлежит Сизэр, поэтому она должна позаботиться о нем сама. Но мама предоставила мне позаботиться об этом, и она доверяла моей работе. Если что-то пойдет не так, я не смогу объяснить это даже десяти тысячам ртов. Сначала я могу дать Сизэр список приданого. Если ей не по себе, она может прямо сейчас отвести кого-нибудь на склад для проверки. Однако перед официальной передачей я должна взять на себя смелость спросить, знает ли она, как делать арифметику, как просматривать счета, проверять счета и как управлять подчиненными? Знает ли она, как проверять качество товаров, измерять разницу в ценах на товары в разных местах и оценивать прибыль и убытки?"

Чжао Лули не понимал этого, так как же могла понять его дочь? Об отношении к этому ребенку, который был на восемь баллов похож на Е Чжэня, можно было сказать, что он посвятил все свои силы на развитие по образцу Е Чжэня. Поэтому, когда ей было тринадцать лет, она знала только цитру, шахматы, каллиграфию и живопись и ничего не знала об обычных делах. Его щеки покраснели, глаза блуждали, и на некоторое время он потерял дар речи.

Чжао Чуньси был очень недоволен и собирался опровергнуть это, когда Гуань Суй достала изящные маленькие счеты и медленно сказала: "Один плюс один, плюс два, плюс три, сложите до девяти до девяти, вы можете посчитать для меня. Если вы сможете правильно рассчитать, я немедленно попрошу людей отнести приданое к вам во двор. Если прибавите неправильно, с сегодняшнего дня вы будете следовать за мной, чтобы научиться управлению и центральной кухне". Это список приданого, у старой мадам есть копия, у вашей семьи по материнской линии должна быть копия. Теперь я сделаю еще три копии, и у каждого из нас будет по одной. Так что вы можете быть уверены, что я не воспользуюсь никакими преимуществами вашей семьи."

Чжао Лули был смущен ее откровенными замечаниями и поспешно объяснил. "Мадам неправильно поняла..." А Чжао Чуньси держала в руках счеты, кончики ее пальцев дрожали.

Гуань Суй подняла руку, чтобы прервать собеседника, очень осторожным тоном: "Не надо тайно жаловаться, что я принимаю облик джентльмена с умом злодея. Я не злодейка, но я также боюсь быть неправильно понятой, особенно из-за его ужасного непонимания желания получить приданое предыдущей госпожи. Я вторая жена, изначально должна ходить с трудом, если я совершу ошибку, меня будут критиковать в Особняке маркиза, кроме того, семья Гуань также будет дискредитирована. Семья Гуань теперь является примером нравственности и познания мира, образцом добродетели, белым нефритом без изъяна, и его нельзя осквернить. Поэтому я забочусь о своих словах и действиях больше, чем вы, и я понимаю принципы самоотречения и вежливости, а также доброты к другим".

Чжао Лули стало еще более стыдно, и он даже не мог поднять голову.

Гуань Суй, не глядя на него, постучала по столу и прошептала: "Давайте начнем вычисления".

Чжао Чуньси глубоко чувствовала, что каждый раз, приходя к Гуань Суй, она унижала себя. Она решила, что в следующий раз, когда придет, будет полностью готова.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2274453>